

(12)

ЕЩЕ ОДИН ШАНС

Эта чернокожая женщина, бедная, полностью во власти алкоголя, чувствовала себя выключенной из нормальной жизни. Однако, попав в тюрьму, она увидела выход.

Я – афроамериканка – алкоголичка. Не знаю, когда я стала алкоголиком, но, полагаю, я им стала, потому что пила слишком много и слишком часто.

Я всегда винила в своем пьянстве бедность или что угодно еще, но не истинную причину – тот факт, что мне нравился эффект от спиртного, потому что, выпив, я ощущала себя столь же значительной и богатой, как и другие. Я ни за что бы не признала, что пью слишком много и трачу на выпивку деньги, на которые должна была бы купить еды своим двоим сынишкам.

Со временем я стала пить все больше и больше. Я не могла удержаться ни на одной работе – пьяницы никому не нужны. Мне всегда удавалось подцепить дружка, владеющего какой-нибудь забегаловкой или торгующего виски, но такие связи долго не длились. Всех смущали мои появления в пьяном виде и отключки. Дошло до того, что я не могла выпить и не попасть за решетку. В один из таких заходов судья, должно быть, посчитал, что меня стоит попытаться спасти, потому что вместо того, чтобы отослать меня в камеру, он отправил меня на месяц в АА.

Итак, я пришла в АА. По крайней мере, туда пришло мое тело. Мне отвратительна была каждая минута, проведенная там. Я не могла дождаться конца собрания, чтобы пойти выпить. Перед собранием я это сделать побоялась. Я думала, что, если они почувствуют от меня запах виски, то посадят меня в тюрьму, а я не могла жить без своей бутылки. Я возненавидела судью за то, что он послал меня в это место, ко всем этим пьяницам. Я-то не алкоголик!

Да, иногда я, возможно, пью слишком много – но ведь все мои знакомые тоже пьют. Правда, не припоминаю, чтобы кто-нибудь из них засыпал в кабаке и просыпался без обуви на ногах – и это в зимнее время – или свалившись со стула. Однако со мной это случалось. Я также не припомню, чтобы кого-нибудь из них выставляли зимой на улицу из-за неуплаты за квартиру. Но мне важнее было иметь виски, чем жилье для своих сыновей.

Дело было плохо; я боялась оказаться на улице и потому начала получать пособие матерям. Это – одна из худших вещей, которая только может произойти с женщиной-алкоголиком. Каждый месяц я, как любая хорошая мать, ждала прихода почтальона. Но, как только он вручал мне чек, я надевала свое лучшее платье и отправлялась на поиски дружка-алкоголика. Когда я начинала пить, мне становилось все равно, что за квартиру не плачено, что дома нет еды и что моим детям нужна обувь. Я пьянствовала, пока не закончатся все деньги. А потом возвращалась домой, полная раскаяния, и задавала себе вопрос, что я буду делать, пока не придет следующий чек.

Со временем, шатаясь по притонам, я начала забывать дорогу домой. Я просыпалась в каких-нибудь захудалых мебелированных комнатах, где повсюду ползали тараканы. Затем виски мне стал не по карману, и я переключилась на вино. В конце концов, я так опустилась, что мне было стыдно показаться на глаза друзьям, поэтому я стала посещать самые гнусные забегаловки, которые только могла найти. Если это было днем, я обходила близлежащие улицы, чтобы убедиться, что никто меня не видел.

Я считала, что мне незачем жить, и много раз пыталась совершить самоубийство. Однако всегда приходила в себя в психиатрической клинике, и начинался очередной длительный курс лечения. Через какое-то время я уяснила, что клини-

ка - подходящее место, чтобы спрятаться после того, как сдашь в ломбард краденое. Я думала, что, если копы и придут сюда, то врачи скажут им, что я - сумасшедшая и просто не знала, что делаю. Но потом один хороший доктор проинформировал меня о том, что со мной все в порядке - не считая злоупотребления спиртным. Он пообещал, что, если я снова окажусь у них, меня отправят в государственную больницу. Я этого не хотела и потому перестала попадать в психушку.

Я докатилась до того, что могла проснуться с синяком под глазом, не имея понятия, откуда он взялся, или с полными карманами денег, не зная, где их достала. Позже выяснялось, что я украла в магазине одежду и продала ее. Однажды утром я проснулась с тысячей долларов в кармане. Я попыталась вспомнить, откуда она у меня, но тут вошли двое здоровенных «копов» и забрали меня. Все дело было в том, что я продала одной женщине шубу. Копы допросили ее, и она призналась, что купила ее у меня. Меня сразу выпустили на поруки, однако, на суде дали месяц тюремного заключения. По истечении этого срока я снова принялась за свое. Надолго меня не хватило. Говорят, что в этот период я убила человека, но я ровным счетом ничего не помню. Тогда я действовала в абсолютном беспомыслии. Поскольку я была пьяна, судья приговорил меня всего лишь к двенадцати годам тюрьмы.

Милостью Божьей я отсидела только три года. Именно за решеткой я на самом деле поняла, что такое АА. На свободе я отвергла Сообщество, но оно пришло ко мне в тюремных стенах. Сегодня я благодарю свою Высшую Силу за то, что она даровала мне еще один шанс на жизнь и на успех в АА, а также возможность попытаться помочь другим алкоголикам. Я год живу дома и уже четыре года не пью.

Придя в АА, я обзавелась большим количеством друзей, чем за всю свою жизнь — друзей, которым небезразлична я и

мое благополучие и которых не смущает тот факт, что я — чернокожая и сидела в тюрьме. Их волнует одно — я человек и хочу жить в трезвости. Вернувшись домой, я смогла вновь заслужить уважение своих сыновей.

Единственное, что меня беспокоит — это то, что в моем городе в АА найдется всего лишь около пяти афроамериканцев. И те не принимают активного участия в деятельности Сообщества, что я хотела бы видеть с их стороны. Не знаю, что мешает им двигаться вперед — обстоятельства или привычка, — но точно знаю, что АА еще предстоит проделать большую работу, и ни один из нас не может ее выполнять, стоя на месте.

Я думаю, что некоторые афроамериканцы — не только в моем городе, но и в других районах страны — боятся ходить на собрания. Мне хотелось бы просто сказать: вам не нужно бояться, потому что никто вас там не укусит. В АА нет межрасовых барьеров. Если вы познакомитесь с нами, то увидите, что мы действительно человечны, и мы встретим вас с распростертыми объятиями и открытыми сердцами.

Я пишу это во время съезда АА, на котором провела уикэнд исключительно в обществе белых. И они меня пока не съели! С тех пор, как я здесь, я не видела ни одного черного лица, кроме собственного. И, если бы я не смотрелась в зеркало, я бы и не знала, что я все-таки черная, потому что эти люди относятся ко мне, как к одной из них, каковой я и являюсь. Мы страдаем одной и той же болезнью и, помогая друг другу, способны оставаться трезвыми.